

Библиотека литературы Древней Руси. Том 12 (XVI век)

Вступление. Литература «обобщающих предприятий»

Литература никогда не прекращает своего поступательного движения, однако в этом своем поступательном движении она различно соотносится с действительностью.

Если литература предшествующего времени приобретала государственное значение благодаря общественной весомости поднимаемых ею вопросов, то во второй половине XVI века государство, организовав огромные литературно-официальные предприятия – летописные своды, Великие Четьи Минеи, Степенную книгу и пр., сделало литературу своей служанкой, создало официальный стиль второго монументализма, отличавшегося пышностью, парадностью, традиционностью форм и главной целью: прославлять, возвеличивать, оправдывать прошлое и настоящее. Так, Степенная книга была посвящена росту и восхождению русского государства и русской церкви по ступеням лестницы, ведущей к росту значения русской истории в мировой. Автор Степенной книги открыто говорит, что его задача – идеализация русских исторических лиц. «Степени» его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо. Утверждаются

же эти степени «многообразными подвигами» в благочестии просиявших скипетродержателей. Книга состоит из «дивных сказаний», «чюдных повестей». Она рассказывает о «святопоживших боговенчаных» царях и великих князьях, «иже в Русей земли богоугодно властельствовавших», и об их митрополитах, озабочена созданием образов «положительных героев» истории, а вернее государства.

За «житием и похвалой» того или иного лица следует новая «похвала», затем «похвала вкратце», молитва за усопшего и к усопшему (в зависимости от того, канонизирован он или нет), «паки похвала» и т. п. Идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но вся Русская земля, весь ход ее истории, род государей в целом, ее державные города – Киев, Новгород, Владимир, Тверь, Москва. Идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, сопровождается нравоучениями, вскрывающими их назидательный смысл. Все характеристики, все нравоучения и отступления строго подчинены литературному или просто придворному этикету. Задача автора состоит в том, чтобы представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый трепет и веру в незыблемость и мудрость государства.

Другое большое собрание сочинений, созданное в середине XVI века, – Великие Четьи Минеи предлагали читателям годовой круг ежедневного чтения, создавая из огромного числа включенных в этот круг произведений как бы венок и венец благочестивых размышлений протяженностью с год, с окончанием которого этот круг чтения должен был повторяться. Великие Четьи Минеи сделали возможным сосуществование под одним переплетом для одного читателя произведений, созданных в различные века и в различных стилях, и в различных жанрах. Появилась своеобразная «терпимость» к форме. Это сказывалось и в отдельных, вновь создаваемых произведениях: авторы заимствуют отдельные образцы и целые пассажи из ранее созданных произведений. Впрочем, не следует думать, что авторы второй половины XVI века совершенно равнодушны к стилю своих произведений. И подборка старых произведений для новых компиляций, и заимствования из старых произведений идут по вполне определенной линии. Авторы строго официальны. Они всячески демонстрируют свое правоверие, любят объяснять события в чисто церковном духе, подчеркивают значительность происшедшего и упрямо нагнетают пышность и церемониальность – где только это представляется удобным. Этот период – период второго монументализма – в отличие от первого монументализма, характерного для домонгольского времени и имевшего строгие мировоззренческие истоки, был очень официален и, я бы сказал, в известной мере бездушен и трафаретен. Тем ценнее те проявления доброты, юмора и наблюдательности, которые прорывались сквозь застылые литературные трафареты официозных восхвалений или осуждений.

Великие Четьи Минеи XVI века совсем не похожи на те позднейшие Четьи Минеи, которые включали в свой состав по преимуществу жития святых. Состав Великих Четых Миней гораздо более разнообразен и велик.

В Великие Четьи Минеи вошли и сочинения, написанные специально для них, и отдельные произведения из прологов, из патериков (Азбучного, Синайского, Египетского, Иерусалимского, Скитского, Сводного, Римского, Киево-Печерского), сочинения отцов церкви, воинская повесть Иосифа Флавия о разорении Иерусалима, Топография Космы Индикоплова, Кормчая книга и т. д. и т. п. Русским сочинениям в Великих Четьих Минеях уделено немало места: здесь и произведения Кирилла Туровского, жития Бориса и Глеба, Ольги, Владимира, Хождение игумена Даниила, сочинения южнославянских писателей, работавших на Руси: Григория Цамблака, митрополита Киприана, Пахомия Логофета. В основном это было «мировоззренческое чтение», рассчитанное на то, чтобы поднять значение и величие всего происходящего и существующего в мире, подчеркнуть пафосное значение жизни. Из разных эпох и из разных стилей выбиралось и включалось в Великие Четьи Минеи все, что так или иначе было торжественным, монументальным, риторически приподнятым.

Государство, занятое реформами политическими, церковными, социальными, экономическими и даже реформами быта, остро нуждалось в помощи литературы. Даже получив эту помощь, государство все же не было всесильно. Рукописная деятельность многочисленных писцов и авторов не подчинялась и не могла подчиняться требованиям государства и не могла быть контролируема. Инициатива государства в создании новых произведений была сильнее, чем возможности государственного контроля над старой и текущей письменностью. В XVI веке (в отличие от конца XV века) впервые возникает резкое разделение литературы – на официальную и неофициальную. Официальная литература стремится закрепить все существующее в пышных формах и грандиозных размерах. Неофициальная литература также втянута в ход государственного строительства: она предлагает реформы, обсуждает все темы общественной жизни, приобретает публицистический характер, но публицистически-государственный, широко социальный, подходящий к тем же вопросам, что и официальная литература, но с личных точек зрения.

Ту и другую части литературы объединяет глубокий интерес к самым важным темам жизни народа, его прошлого и его будущего. Но если официальная литература стремилась всеми путями оправдать существующее и создать этому существующему авторитет пышности, авторитет масштабов и авторитет грандиозной всеистолковывающей миросозерцательной системы, перед которыми бессильны усилия отдельных людей, то литература неофициальная стремилась все государственные вопросы сделать предметом общего обсуждения, требовала разумного обоснования всего существующего, основывалась на представлениях о необходимости подчинения всего существующего в социальной и государственной жизни доводам разума.

Несмотря на всю внешнюю противоположность этих двух важнейших частей русской литературы, — противоположность идейную, жанровую, стилистическую, — историческое значение обеих областей литературы в XVI веке было в равной степени огромным.

Д. С. Лихачев